

Главное — лишь бы, выбравшись за порог, не столкнуться с какими-нибудь родственниками или давними знакомыми, увязшими в сетях взаимных обид и семейно-личных распрей. Последние дни дались ему тяжелее, чем экзаменационная сессия в университете: каждое слово приходилось взвешивать по три раза, неустанно следя за реакцией собеседника и на ходу меняя тему. День за днем наблюдая за чужими выражениями лиц и улавливая малейшие оттенки настроения, он вымотался настолько, что на чтение книг не оставалось никаких сил. Выведав в общих чертах сведения о прежнем владельце тела, он наконец вздохнул с облегчением, зарылся головой в одеяло и от души проспал двое суток подряд.

Благо этому телу исполнилось всего четырнадцать лет — в пору самого бурного роста усталость и раны заживают стремительно, стоит лишь как следует отдохнуть.

Пролежав на постоялом дворе почти полмесяца, он заметил, что раны от бамбуковых палок на ягодицах и бедрах практически затянулись. Там, где по краям отвалились корочки, показалась нежная розовая кожа, сравнивавшаяся с остальным покровом — со временем краснота спадет, и следов не останется совсем. Порез на плече тоже покрылся струпом, воспаления не возникло, и при движениях он больше не чувствовал боли, так что это ничуть не мешало двигаться.

Понаблюдав за своим самочувствием еще пару дней и убедившись, что всё в порядке, он велел Цуй Юаню с сыном собирать вещи, намереваясь поскорее отправиться в Цяньань.

Пэн Янь послушно пошел собирать багаж, а вот Цуй Юань все никак не хотел уезжать и спросил:

— Может, подождем еще пару дней? Вдруг господин услышит, что вы помогли Цзиньивэй поймать еретика, сменит гнев на милость и пришлет людей, чтобы вернуть нас домой?

Цуй Се покрутил головой:

— Дядя Юань, вы помните, сколько дней мы провели на постоялом дворе?

Ровно полмесяца.

За эти дни все жители Тунчжоу, от мала до велика, успели навестить их: принесенные кисти, тушь, бумага, тушечницы и питательные снадобья заполнили сундуки доверху, а несколько ученых гостей даже сложили в его честь стихи и эссе. И лишь из дома в столице не было никаких вестей — они не прислали даже клочка бумаги.

Цуй Юаню не хотелось верить, что их господин настолько бесчувствен к родному сыну, однако, сопоставив сроки и вспомнив, с каким нетерпением домашние выгоняли их за порог, он и сам пал духом.

Опасаясь навеять тоску на молодого хозяина, он втайне от него вздыхал в разговоре с сыном:

— Наш господин — ученик командующего Вань, а командующий Вань состоит в клановом родстве с командующим Вань из Цзиньивэй. Господин и раньше имел дело с Цзиньивэй, так что ради приличия между ними должна быть хоть какая-то связь. Почему же цяньху Се замолвил слово за молодого господина и велел нам ждать добрых вестей, а со стороны господина — ни слуху ни духу, будто ничего и не произошло?

Однако в своих мыслях он несправедливо винил господина. Дело в том, что когда послание от цяньху Се доставили в усадьбу семьи Цуй, Цуй Цюэ даже не увидел его — письмо сразу же передали во внутренний покой госпоже Сюй.

Прочитав содержимое, госпожа Сюй собственноручно поднесла лист к пламени свечи и сожгла его.

Ее доверенная служанка, матушка Ди, глядя, как языки пламени один за другим пожирают семь иероглифов «Цзиньивэй цяньху Се Ин» на конверте, чувствовала, как от страха сжимается сердце. Она тихо напонила:

— Все-таки это послание из Цзиньивэй. Хотя в нем и говорится о «том, другом», это ведь касается и службы господина. Если госпожа вот так возьмет и сожжет его, а цяньху потом обмолвится об этом господину, не станет ли господин винить вас за самоуправство?

Госпожа Сюй покрутила головой и невозмутимо ответила:

— Зачем Цзиньивэй искать нашего господина? Разве что ради того, чтобы выудить денег под разными предложениями. Мы тайно пошлем им подарок и закроем это дело — тем самым я исполню свой материнский долг. Я смотрела письмо: там не сказано, что Се совершил какую-то беду. Будем считать, что у него есть заслуга и нет вины. Отправим им сотенку-другую лянов, этого с лихвой хватит, чтобы расплатиться по счету. Незачем тревожить господина.

Матушка Ди все еще испытывала тревогу, опасаясь, как бы Цуй Цюэ в будущем не узнал о происшествии со старшим сыном от посторонних людей и, вспомнил о отцовской любви, не винил госпожу в утайвании.

Госпожа Сюй кротко улыбнулась:

— Если бы господин и вправду жалел его, разве отправил бы в деревню? Его родная мать — дочь военного поселенца, ей просто повезло: она вышла замуж за господина в семью Цуй до того, как он сдал экзамены, и лишь потому заняла место главной жены. Ее происхождение ненамного выше, чем у наложниц в нашем заднем дворе, разве могла она родить способного к наукам сына? И даже останься тот в столице и поступи в Гоцзыцзянь, ему все равно не стать ни цзюйжэнь, ни цзиньши. Так не лучше ли отдать право на льготное поступление Цуй Хэну? Я, как мать, тоже не стану к нему жестока: когда он подрастет, подберу ему работающую и во всем послушную жену, оставлю в родных краях приглядывать за семейным имуществом — разве плохо прожить жизнь в достатке и покое?

Послушав беспечные речи госпожи, матушка Ди сотворила молитву Будде, поднялась, склонилась в поклоне и произнесла:

— Какая же у госпожи твердая воля. Тогда раба пойдет приготовить подношение и повелит во внешнем дворе не докладывать господину об этом письме.

Госпожа Сюй слегка кивнула:

— Иди. Что тут может произойти страшного? За Цуй Хэном тоже присмотри от моего имени: пусть его слуги получше ухаживают за ним, пока он оправляется от болезни, и пару дней не дают вставать с постели. Даже если господин наслушается чьих-нибудь советов на стороне, при виде ранений сына у него само собой пропадет желание менять решение.

=====

Цуй Юань с сыном собирали вещи не таясь. Хозяин постоянного двора юаньвай Янь, услышав об их отъезде, поспешно прибежал уговаривать:

— Молодой господин Цуй, неужто вам не по душе мое радушие? Если комната не убрана, я сейчас же велю переделать все заново! А если в постоялом дворе недостаточно тихо, так мой дом неподалеку, и там есть свободный дворик. Прошу вас, перебирайтесь туда, там будет удобно и учиться, и заниматься!

Проживание в этом постоялом дворе напоминало Цуй Се внедрение подпольщика в спецслужбу № 76 марионеточного правительства: дни напролет он тратил столько сил и нервов, что едва не поседел. Едва забрезжила возможность встать на ноги, как он твердо решил уехать во что бы то ни стало.

Юаньвай Янь усердно отговаривал его:

— В Цяньани прошлым летом случилось жестокое наводнение, в уезде и за его пределами смыло множество домов, в этом году зерно и овощи невероятно дорожают — это совсем не то место, где можно спокойно читать книги! Не лучше ли молодому господину пожить у нас еще несколько месяцев, предварительно отправив слуг отремонтировать дом, и переехать лишь потом?

Цуй Се с непреклонной решимостью покрутил головой.

За эти дни, наобщавшись с людьми династии Мин — особенно из судейско-чиновничьей среды, — он успел намотать на ус множество местных обычаев и больше не был тем беспомощным пришельцем из будущего, что ничего не ведает вокруг. Приняв решение уехать, он заранее подготовил довод, против которого ни один древний человек не смог бы возразить, и выложил его юаньвай Яню: он возвращается на родину, чтобы совершить поминальные обряды на могилах предков.

В эпоху Мин к усопшим относились так же, как к живым: уход за могилами и почитание предков приравнивались к сыновней почтительности к родителям и считались вопросом высочайшей верности и долга. Юаньвай Янь больше не смел удерживать его и велел кухаркам приготовить множество сухих пайков, съестных припасов в дорогу, солений и копченостей. Затем он нанял рабочих, чтобы те помогли увязать и погрузить все подарки, принесенные посетителями за время болезни, и арендовал просторный удобный экипаж для их возвращения в родные края.

Они жили на постоялом дворе бесплатно, ели и получали дары даром, но уехать просто так он не мог. Заявив, будто письмо может потревожить рану на плече, Цуй Се снова попросил Пэн Яня записать под диктовку рецепт чжэньцзянского ароматного уксуса, производство которого запустили лишь в годы правления Даогуан, опечатал его в конверт и передал юаньвай Яню.

Узнав о скором отъезде Цуй Се, многие знакомые поспешили прийти и проводить его. Лишь после долгих и трогательных прощаний его наконец выпустили за городские ворота, а сами повернули повозки назад в город.

Цуй Юань правил их собственной небольшой повозкой впереди, а кучер Чжао, которого нанял юаньвай Янь, вел арендованный большой экипаж с Цуй Се и Пэн Янем сзади, один за другим преодолевая путь. Когда они приблизились к беседке в пяти ли от города, дорогу им внезапно перегородила небольшая повозка с зеленым навесом. Из нее, откинув полог, выпрыгнул утонченный мужчина средних лет — это оказался советник Лю, который после того единственного вопроса о том, какой канон изучал Цуй Се, больше ни разу не появлялся.

Цуй Се поспешно оперся на Пэн Яня, слез с повозки и засвидетельствовал свое уважение советнику Лю, выразив благодарность за заботу со стороны его и Фу Хао.

Советник Лю погладил длинную бороду и с улыбкой произнес:

— Я пришел сегодня не только для того, чтобы проводить молодого господина на родину, но и передать подарок, приготовленный Фу Хао специально для вас.

Несколько слуг сгрузили с его повозки два больших деревянных сундука, молча открыли крышки и отступили, открыв взору два сундука, доверху набитые книгами.

Советник Лю указал рукой на сундуки и с гордостью сказал:

— Наш Фу Хао глубоко сочувствует вашему стремлению к знаниям, потому и велел мне привезти это собрание «Великое собрание Пятикнижия и Четверокнижия». Во всем Цяньани такой комплект можно найти разве что в уездной школе, обычным книжникам его ни за что не одолжить. Возьмите их, сравнивайте с толкованиями к Четверокнижию и канонам Пятикнижия, вдумывайтесь, читайте и размышляйте, дабы не расстроить добрых намерений господина Фу Хао!

Выражение лица Цуй Се стало исполненным глубокой серьезности Чжэн Чжун, и он низко поклонился в знак благодарности.

Советник Лю принял его поклон, а затем взмахнул рукой назад. Несколько слуг спустили с повозки сундук поменьше, открыли его — и внутри снова оказалась полная крышка книг.

Цуй Се невольно сглотнул слюну, усомнившись, хватит ли в древности его мозгов, переживших двенадцать лет школьной зубрежки под экзамены и четыре года учебы в университете.

Кстати, у него в голове все еще хранился съемный жесткий диск третьего соседа по комнате — диск аж на два терабайта. Хотя там было записано немало фильмов и сетевых романов, оставшегося места оставалось больше терабайта. Наверное... наверное, эти книги туда поместятся?

<http://bllate.org/book/18372/1761237>